РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ СУВЕРЕНИТЕТА США, КИТАЕМ И РОССИЕЙ*

Чарльз Зиглер

В рамках теории реализма принято утверждать, что политические интересы России, Китая и США противоречат друг другу. Действительно, на протяжении практически всего первого десятилетия XXI в. Россия и Китай стремились уравновесить возросшее влияние Америки. Однако у трех рассматриваемых государств есть также ряд общих интересов, в том числе в области борьбы с терроризмом, поддержания стабильности в горячих точках, управления глобальными процессами в целях экономического развития и модернизации, а также противодействия новым глобальным угрозам: экологическим катастрофам, эпидемиям и наркобизнесу. Многие ученые и часть политиков доказывают, что общие интересы в указанных областях и необходимость объединить усилия ради общей безопасности важнее, чем вопросы баланса мощи (власти), для международных отношений¹.

В современном мире, подверженном стремительным изменениям и глобализационным процессам, для решения возникающих беспрецедентных задач требуются совершенно новые механизмы государственной власти. Однако часто взгляды выдающихся современных ученых и политиков все еще основываются на концепциях, выработанных в XIX в. К одной из таких концепций, продолжающих влиять на международные отношения, принадлежит понятие «суверенитет» и связанный с ним принцип территориальной целостности. При этом интерпретации суверенитета меняются в зависимости от того, что наиболее полно отвечает предполагаемым национальным интересам той или иной страны. Три наиболее влиятельных государства современного мира, Россия, Китай и США, стремятся сохранить

свою независимость в решении внутривнутриполитических вопросов и максимально свободно действовать на международной арене. Исходя из этого, они неохотно уступают различным влияниям, как исходящим от международных организаций и транснациональных корпораций, так и вызванным неизбежными процессами, сопутствующими глобализации.

Основная цель данного исследования — доказать, что понимание суверенитета Россией, Китаем и США претерпевает изменения, хотя в рамках философии реализма оно представляется неизменным. Согласно реализму постулируется, что все государства, вне зависимости от их размеров, экономического и военного потенциала, в равной мере обладают суверенной властью в пределах своих государственных границ и правом независимо взаимодействовать с другими членами мирового сообщества². Мы, напротив, полагаем, что в понимании государствами суверенитета существуют значительные различия, ведущие к формированию атмосферы непонимания и росту напряженности в мире. В этой связи нам представляется более уместным подход, сформировавшийся в рамках философии конструктивизма. Данный подход уделяет особое внимание своеобразию и бытующим в государстве нормам и признает влияние внутренней политики на указанные нормы, поэтому он позволяет объяснить различия в понимании суверенитета в разных странах.

Понятие суверенитета разрабатывалось преимущественно в Европе на протяжении нескольких сотен лет³. Хотя суверенитет признается важнейшим понятием в международных отношениях, в

разных странах его трактуют по-разному, что обусловлено особенностями национальных ценностей и исторического опыта. Так, политические элиты России и Китая склонны считать, что залог сохранения суверенитета в том виде, в котором его предполагает Вестфальская система международных отношений, Вестфальского суверенитета, — сильная центральная власть, в то время как на основе своего исторического опыта США сформировали идеал децентрализованного управления⁴. Мы вслед за Стивеном Краснером понимаем под Вестфальским суверенитетом исключительное право государства на формирование своей внутренней политики и полное невмешательство каких бы то ни было внешних по отношению к нему властных структур в процесс принятия решений по внутривнутриполитическим вопросам⁵. Кроме этого определения, для нашего исследования важны также два типа суверенитета, выделяемые С. Краснером: внутренний суверенитет и суверенитет взаимозависимости. Внутренний суверенитет касается способа организации власти в государстве и эффективного управления его территории. Суверенитет взаимозависимости подразумевает контроль над трансграничными перемещениями, потенциально разрушаемый в связи с глобализацией. Три сверхдержавы равно остро воспринимают угрозы своему суверенитету во всех трех формах (Вестфальскому, внутреннему и внешнему), однако реагируют на предполагаемые внешние вмешательства по-разному. Более того, системы реагирования на внешнее вмешательство продолжают развиваться, что затрудняет их анализ. Ниже мы постараемся рассмотреть самые распространенные в каждой из трех стран позиции по вопросу суверенитета.

Различия в понимании суверенитета Россия

Одной из задач, поставленных Владимиром Путиным в рамках плана по

восстановлению России в статусе великой державы, был отказ от хаотической децентрализованной формы правления, которая была характерна для России при президенте Б. Ельцине, и возврат к сильной централизованной власти. Зародившаяся в 1990-х гг. система делегирования власти субъектам федерации была признана опасной для России в целом и ее внутреннего суверенитета, так как при ней страна подверглась влиянию иностранных компаний и неправительственных организаций (НПО), а также угрозе терроризма. Слабая центральная власть привела к беззащитности страны перед лицом зарубежных политических влияний, выразившихся в программах демократизации страны и создания гражданского общества. Во времена Б. Ельцина Российская Федерация нередко поступалась внутренним суверенитетом ради сохранения территориальной целостности, Москва делегировала власть субъектам, в результате чего сформировалась система крайне децентрализованного неоднородного федерализма (возможно, точнее было бы сказать — феодализма). В. Путин предпринял попытку восстановить суверенную власть Москвы. С этой целью он создал институт назначаемых полномочных представителей в федеральных округах, упразднил выборы губернаторов, отменил договоренности, подписанные правительством Б. Ельцина с регионами, ослабил Совет Федерации и ограничил деятельность иностранных НПО в России.

Влияние извне на понимание суверенитета Россией оказали события в Европе в середине — конце 1990-х гг. Расширение НАТО на восток вопреки возражениям Российской Федерации и поддержка, оказанная Альянсом Боснии и особенно Косово, в том числе бомбардировка Сербии в 1999 г., с очевидностью показали, что Вашингтон и его союзники понимают суверенитет совершенно иначе, чем Москва или Пекин.

В ответ в апреле 1997 г. в Москве была принята Совместная декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации о международном порядке в XXI в. В этом документе подчеркивается важность суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутреннюю политику, а также утверждается равенство всех стран в указанных вопросах⁶. В то время как Запад выражал осуждение зверств сербов по отношению к косовским албанцам, позиция России по конфликту в Косово заключалась в признании его частью гражданской войны в Югославии. Таким образом, конфликт признавался вопросом внутренней политики, в котором ни одна из сторон не может быть признана «правой» или «виноватой»⁷. Ситуация рассматривалась по аналогии с конфликтом в Чечне: Армия освобождения Косово считалась террористической организацией с теми же целями и методами, что и у чеченских боевиков.

Общепринято считать, что защита суверенитета является задачей государства с его политическими, экономическими и военными ресурсами. Формально все страны в этом отношении равны, однако в действительности, как и в мире, описанном Дж. Оруэллом, некоторые страны равнее других. После восстановления Россией статуса великой державы президент Д. Медведев заявил о существовании «регионов, в которых находятся привилегированные интересы» на границах страны, т.е. в государствах, которые получили суверенитет после распада СССР⁸. События в пограничных странах, ярким примером которых являются «цветные революции», могут поставить под угрозу суверенитет России.

В последнее время президент Медведев и — в меньшей степени — премьер-министр Путин признали, что интеграция России в мировое сообщество необходима для модернизации страны, однако глобализация несет в себе угрозы ее суверенитету взаимозависимости.

Международный обмен товарами, информацией, трудовыми ресурсами и технологиями способствует экономическому развитию, но одновременно ведет к постепенной потере контроля центральным правительством над границами страны. В 1990-х гг. Россия испытала наплыв не только зарубежных товаров, но и ценностей и норм, религиозных и неправительственных организаций, которые в значительной части были незнакомы населению и воспринимались настороженно. Открытие границ совпало с периодом ослабления центральной власти. Это укрепило распространенное мнение о том, что оба указанных шага вели к утрате государственного суверенитета⁹.

Разработка философии «суверенной демократии» Владислава Суркова, как и попытки В. Путина ограничить влияние зарубежных компаний, правительств, НПО в российском обществе могут трактоваться как деятельность по укреплению как внутреннего, так и Вестфальского суверенитета¹⁰. Концепция суверенной демократии возникла, согласно российским исследователям, в ответ на угрозу возникновения мирового неокOLONIALИЗМА в форме гегемонии Соединенных Штатов Америки. В основу концепции легла важнейшая идея Вестфальской системы — идея суверенного равенства всех государств¹¹. Европоцентристская Вестфальская система, которой уже исполнилось 300 лет, становится основой миропорядка. Стоит ее основаниям, и в первую очередь суверенитету, покачнуться, и международная политика превратится в игру без правил, а взаимоотношения стран станут непредсказуемыми и нестабильными¹².

Россия традиционно является одним из наиболее влиятельных государств в Европе и мире, и русских возмущают попытки Запада диктовать им законы демократического общества. В работах целого ряда ведущих российских ученых доказывается, что демократия — явление

национально-специфичное и культурно обусловленное и формировать демократическое общество в каждом отдельном случае следует на основе национальных правовых и социальных устоев той или иной страны¹³. Таким образом, поддержка «демократических сил» в России и соседствующих с ней странах из-за рубежа трактуется, наравне с расширением НАТО на восток и противодействием усилиям Москвы по интеграции постсоветского пространства, как часть плана Запада по ослаблению России¹⁴. США, наиболее влиятельный игрок на мировой арене, представляются угрозой международной безопасности, так как они «уже не считают национальный суверенитет и государственные границы помехой для интервенции, если на кону стоит региональная и международная безопасность». Однако «принцип национального суверенитета остается приоритетным для многих стран, в том числе России, которые не хотят стать объектом так называемой «гуманитарной интервенции» со стороны НАТО или кого-либо еще»¹⁵.

Китай

Принятая в последние годы в Китае модель авторитарной модернизации вызвала необходимость перемен в связи с возникшими угрозами стабильности в стране и возможностью потери Пекином контроля над провинциями. Международное давление в области соблюдения прав человека воспринимается как угроза суверенитету и территориальной целостности Китая — Пекин считает эти два принципа «игрой с нулевой суммой» и опасается всплеска сепаратизма на Тайване, Тибете и в Синьцзяне¹⁶. Оказавшись свидетелями распада Советского Союза при Михаиле Горбачеве и экономического коллапса при Б. Ельцине, руководство Китая убедилось в необходимости сильной политической власти Коммунистической партии Китая¹⁷. В то время как эконо-

мические реформы привели к переходу части финансовой и административной власти на местный уровень, за Пекином сохранилась обязанность не допустить распада страны, аналогичного произошедшему в Югославии и СССР, и поддерживать внутреннюю стабильность. В результате была разработана модель, сочетающая экономическую децентрализацию с вертикальной иерархией и сохранением государственного контроля¹⁸. Подобная однопартийная система может способствовать злоупотреблениям властью и коррупции на местах, но она гарантирует сохранение внутреннего суверенитета. Так же ревностно Пекин относится к своему Вестфальскому суверенитету, что проявляется в неприятии любой внешней критики относительно вопросов прав человека в Китае как вмешательства во внутренние дела страны.

Аллен Карлсон справедливо заметил, что суверенитет «...лежит в основе развития отношений современного Китая с остальным миром»¹⁹. Китай все более вовлечен в международную деятельность, и понимает важность участия в международных организациях, но это участие (как, например, в форумах по вопросам прав человека или ВТО) ограничено везде, где оно связано с вопросами внутреннего суверенитета. Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркивает, что цель дипломатии — способствовать экономическому развитию, охранять национальный суверенитет и государственную безопасность и поддерживать стабильность²⁰. Заявляя о важности международного законодательства и ООН, Пекин выборочно трактует их положения о суверенитете. На международных форумах, например, Шанхайской организации сотрудничества, Китай выступает в защиту своего понимания суверенитета, приравнивая сепаратизм к терроризму и экстремизму. Понятие «самоопределения» Пекин использует исключительно в узком смысле, в отношении бывших колониальных

народов, но не в отношении очагов сепаратизма внутри суверенных государств. В то же время активная интеграция в мировую экономику вынудила Китай пойти на некоторые уступки в вопросах суверенитета взаимозависимости, например, ради вступления в МВФ, Всемирный банк и ВТО.

Экономические и политические позиции Китая претерпевают активные изменения, в связи с чем на суверенную политику оказывается разнонаправленное влияние. Например, при обсуждении вопроса недавнего восстания в Ливии, Китай (как и Россия) воздержался при голосовании по резолюции Совета Безопасности ООН № 1973, устанавливающей запрет на полеты над страной. Ли Баодун, постоянный представитель Китая в ООН, подчеркнул, что Китай выступает за буквальное понимание резолюции, и заявил, что мировое сообщество «...должно придерживаться принципов объективности и нейтралитета, и в полной мере уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность обсуждаемой страны. Не должно предприниматься никаких попыток смены режима или вмешательства в гражданскую войну»²¹. Представитель КНР также озвучил обеспокоенность правительства Китая вопросами безопасности гражданских лиц и собственности в случае вооруженной интервенции. Однако такое внимание к гуманитарным вопросам могло быть обусловлено национальной заинтересованностью: на момент начала интервенции в Ливии находилось 30 000 этнических китайцев, а инвестиции из страны в пятьдесят наиболее крупных ливийских проектов составили около 18,8 млрд долл. США²².

С ростом своего могущества Китай берет на себя все больше международных обязательств. Его позиция по возникающим международным нормам тоже постепенно меняется, что, в свою очередь, уже начало расшатывать идею абсолютного суверенитета. При этом ра-

стущая мощь Китая и его гибкость дают стране инструменты для влияния на региональную и мировую политику. За последние два десятилетия изменилась позиция Китая по вопросам прав человека, что подтверждается реакцией Пекина на давление в области деловых взаимоотношений с Суданом, а также на гуманитарную катастрофу в Дарфуре²³. Пекин также проявляет большую гибкость во внешней политике, например, расширяя свое участие в миротворческих операциях ООН. Однако активная и гибкая позиция по вопросам гуманитарного вмешательства и международных миротворческих операций не привела к значительным изменениям во взглядах на государственный суверенитет и невмешательство во внутреннюю политику²⁴. Пекин, как и прежде, считает неприемлемыми действия отдельных государств и региональных организаций, нарушающие государственный суверенитет. Все подобные меры могут быть признаны правомерными только после их одобрения Организацией Объединенных Наций.

Несмотря на твердую позицию Китая относительно неизменности понятия суверенитета, часть внешнеполитических деятелей страны признает, что национальные интересы Китая диктуют более гибкую его трактовку. В работе Аллена Карлсона показано, что жесткость озвучиваемой позиции не означает жесткого следования ей на практике, особенно в области международной миротворческой деятельности и многосторонней интервенции²⁵. Понятие Поднебесной и азиатско-тихоокеанские международные отношения отражают новый уровень взаимоотношений в регионе и говорят о возможности создания новых норм, не основанных на европейской идее суверенитета²⁶. Вкратце, новое азиатское мышление предполагает, что мировой порядок вот уже триста лет строится на основе исторического опыта Европы, но рост могущества АТР (в частности, Ки-

тая) может быть предвестником нового порядка, основанного на других принципах. Возможно, эти новые принципы, рожденные в культурном контексте Азии, разрешат противоречия, связанные с суверенитетом, территориальной целостностью, правами человека и гуманитарной интервенцией, иными словами, те проблемы, которые создают напряженность во взаимоотношениях трех сверхдержав.

США

Соединенные Штаты Америки тоже крайне чувствительны к возможным посягательствам на собственный суверенитет. Однако, в отличие от России и Китая, США гораздо более терпимо относятся к децентрализации власти, даже приветствуют ее. Исторически целый ряд политических сил стремился ослабить Вашингтон в пользу правительств отдельных штатов. Отсутствие сильного центра внутри страны ведет, по нашему мнению, к тому, что американцев проще, чем русских и китайцев, убедить, что центральное правительство в других странах полно недостатков и в случае злоупотреблений может быть лишено суверенной власти над народом. Таким образом, для Америки характерен идеал децентрализованной власти и суверенитета общества, в то время как для России и Китая — идеал сильного центра и государственного суверенитета, подкрепленный распадом трех коммунистических федераций, отказавшихся от этого идеала.

После окончания холодной войны американские политологи, изучающие вопросы суверенитета, разделились на два лагеря. Первый и наиболее влиятельный из них представляет собой неожиданную «коалицию» либеральных интернационалистов и неоконсерваторов. Оба упомянутых течения разделяют обновленную концепцию Вестфальского суверенитета, в которой подчеркивается центральное место США в мировой

политике и их активная роль на международной арене. При этом представители рассматриваемых течений исходят из разных принципов. Либеральные интернационалисты, в том числе ведущие сотрудники администраций президентов Клинтона и Обамы (Мадлен Олбрайт, Альберт Гор, Хиллари Клинтон, Майкл Макфол), утверждают, что США должны использовать свои силы для защиты прав человека и демократии в соответствии с принципом «обязанности защищать». Однако при этом США по возможности должны прибегать к дипломатии прежде, чем переходить к военным действиям, и работать в рамках международных организаций, таких как ООН. Напротив, неоконсерваторы из администрации Дж. Буша (Пол Вулфовиц, Роберт Каган, Норман Подгорец и другие) ратовали за использование военной мощи Америки, чтобы способствовать демократизации путем смены политических режимов. При этом они отказывались от сотрудничества с международными организациями, ссылаясь — в лучшем случае — на их низкую эффективность, а часто — на то, что они ограничивают свободу действий США²⁷. Таким образом, оба направления выдвигают более ограниченное понимание суверенитета, однако только в отношении всех стран, кроме США.

Есть еще одно развитое, но менее влиятельное направление. Его сторонники настаивают на ограничении сферы деятельности США, стремятся умерить использование их власти и отказаться от смены политических режимов и продвижения демократии за рубежом. В течение входят две группы: сторонники изоляционизма и реализма, склонные к более традиционным взглядам на суверенитет. Изоляционисты (в том числе Рон Пол, Патрик Бьюкенен и Тед Гален Карпентер из известного свободомыслием Института Катона) призывают сократить присутствие США в других странах и связанные с этим расходы,

а также отказаться от участия в международных организациях, которые могли бы ограничить свободу действий Америки. Приверженцы реализма (например, советники Дж. Буша-младшего по вопросам внешней политики и ученые, в том числе Генри Киссинджер и Джон Миршаймер) считают, что гуманитарные интервенции, продвижение демократии и смена политических режимов не входят в национальные интересы США. Гуманитарные акции и программы демократизации, предпринимаемые либеральными интернационалистами и неоконсерваторами, истощают ресурсы страны и отвлекают внимание от наиболее острых угроз национальной безопасности, в первую очередь — роста могущества стран Азии. Более умеренное использование военного потенциала, особенно в форме уравнивания зарубежных сил, поможет сосредоточить усилия на борьбе с серьезными угрозами, уменьшить бюджетные расходы и избежать роста антиамериканских настроений²⁸.

Одно из основных отличий американской внешней политики от русской и китайской заключается в ведущей роли законодательной власти. Хотя Конгресс США часто передает полномочия исполнительной власти, особенно в вопросах внешней политики, члены Сената и палаты представителей регулярно используют внешнеполитическую полемику для «игры на публику» и завоевания доверия избирателей. В целом Конгресс придерживается в области суверенитета того мнения, что нельзя допускать какого то ни было вмешательства во внутренние дела США, оставляя при этом за Вашингтоном право беспрепятственно действовать по всему миру. Так, в черновом варианте Закона о национальной обороне на 2011–2012 гг. сказано, что США находятся в состоянии войны с негосударственными организациями, такими как «Аль-Каида» и «Талибан». В нем президенту дается за-

конное право преследовать террористические группировки и любые государства, предоставляющие им приют (как в случае операции по устранению Усамы бен Ладена). Гражданско-правовые организации в США высказывают опасения, что такой закон приведет к затяжным военным конфликтам, но не замечают, что он оправдывает нарушения суверенитета других стран по решению президента²⁹.

Обобщая вышесказанное, американские либеральные интернационалисты и неоконсерваторы в целом стремятся отказаться от традиционного понимания суверенитета с целью защиты населения, продвижения демократии, преследования террористов и обеспечения гегемонии США. В отличие от неоконсерваторов, либеральные интернационалисты считают основанием для вмешательства гуманитарные критерии «обязанности защищать» ООН: геноцид, военные преступления, преступления против человечности и этнические чистки. Неоконсерваторы видят мало пользы (и много вреда) в многосторонних организациях, подобных ООН, и оправдывают односторонние действия США вопросами безопасности. Приверженцы реализма и изоляционизма предпочитают традиционные формы суверенитета как соответствующие национальным интересам Америки, но их влияние на внешнюю политику США гораздо меньше.

Угрозы безопасности и «обязанность защищать»

Одно из основных различий между сверхдержавами состоит в том, что важнейшие угрозы безопасности России и Китая исходят от сепаратистов и «местных» террористов, т.е. изнутри. Как следствие, Москва и Пекин особенно остро относятся к международным нормам (например, защите прав человека) и деятельности (например, гуманитарным интервенциям), кото-

рые могут ограничить их возможности в поддержании стабильности и борьбе с внутренними угрозами безопасности. С такой точки зрения суверенитет обеспечивает свободу действий внутри страны и препятствует влиянию и активному участию других стран и организаций (например, США или НАТО) во внутренних делах. Кроме того, в случае с Китаем и Россией под прикрытием внутреннего суверенитета сохраняется недемократический режим. Это ведет к столкновению ценностей указанных стран и США, и Запада в целом (хотя российская модель ближе к европейской и потому вызывает меньшее непонимание, чем китайская).

США, напротив, стремятся к максимальной свободе действий вне страны для борьбы с террористическими угрозами (например, «Аль-Каидой»). Это может подразумевать нарушение суверенитета других стран, как это случилось в 2011 г. в ходе операции по устранению Усамы бен Ладена, когда США предпочли не получать разрешение от правительства Пакистана на проведение операции на территории страны, и даже не проинформировали его заранее. Подобные аргументы применялись и в Афганистане в 2001 г., и в Ираке в 2003 г. Более того, возможности США по проведению операций, предполагающих нарушение суверенитета (в целях устранения террористов или защиты населения, как в случае с Ливией), значительно превосходят возможности других стран. В этом контексте суверенитет — не теоретически присущее равно всем государствам право, а скорее изменчивая концепция, зависящая от соотношения сил соответствующих стран. Государства могут выступать в поддержку суверенного равенства, но в действительности наиболее могущественные из них склонны принимать те элементы суверенитета, которые соответствуют их национальным интересам, и отмечать те, которые ограничивают их свободу

на международной арене. Концепция суверенитета применяется выборочно в зависимости от того, насколько та или иная ситуация угрожает национальной безопасности, нарушает гуманитарные принципы или оказывается политически благоприятной. Как утверждал С. Краснер, суверенитет — не столько набор жестких принципов, сколько свободных договоренностей, которые наиболее сильные государства часто обходят³⁰. Хотя подобные действия ведут к обвинению в двойных стандартах, все сверхдержавы поступают именно так, опираясь на свое представление о национальных интересах.

Общее представление о подходе каждой из трех сверхдержав к вопросу суверенитета можно получить, обратившись к их позициям по концепции «обязанности защищать». Выработанная Международной комиссией по интервенциям и государственному суверенитету и позже принятая ООН на Всемирном саммите в 2005 г., концепция «обязанности защищать» утверждает, что международное сообщество может и должно реагировать на факты геноцида и других массовых зверств, включая военные преступления, преступления против человечности и этнические чистки, путем интервенции. Однако подобная интервенция должна применяться только тогда, когда все другие средства исчерпаны, а принципы суверенитета и территориальной неприкосновенности должны соблюдаться, пока это возможно³¹.

Три рассматриваемые сверхдержавы придерживаются разных позиций по поводу «обязанности защищать». Администрация президента Обамы одобрила концепцию и внесла ее в Стратегию национальной безопасности США за 2010 г. В 2009 г. Государственный департамент ввел должность Посла по особым поручениям в вопросах военных преступлений, а на следующий год Совет безопасности США учредил должность Директора по

военным преступлениям и особой жестокости³². Официальная позиция России, напротив, гласит, что защита и обеспечение прав человека является задачей государств, а международные организации и механизмы должны лишь оказывать поддержку правительствам. Российская Федерация также осуждает использование прав человека в качестве повода для вмешательства во внутренние дела государств³³. Позиция Китая близка к российской — одобряя принцип «обязанности защищать», правительство Китая подчеркивает, что именно правительства отдельных стран несут ответственность за защиту граждан, а мировое сообщество должно обеспечивать поддержку и помощь, соблюдая при этом принципы суверенитета и территориальной целостности государств³⁴.

Заключение

Сравнив понимание суверенитета сверхдержавами, как это сделано в таблице, можно лучше понять глубинные причины атмосферы напряженности по многим современным мировым проблемам. Россия и Китай рассматривают суверенитет с абсолютизирующей позиции, в основе своей принадлежащей XIX в., хотя каждая из этих стран сделала ряд уступок меняющимся нормам территориальной неприкосновенности и гуманитарной интервенции, если не на практике, то хотя бы на уровне официальных заявлений. В отличие от глобальной сферы деятельности США, интересы и возможности России и Китая носят более узкий, региональный характер, хотя рост могущества Китая может вскоре изменить статус-кво. Возможно, более важным фактом является то, что угрозы безопасности России и Китая носят характер внутреннего давления в форме сепаратизма и «местного» терроризма, в то время как основная угроза безопасности США — международный терроризм. В связи с этим Москва и Пекин наиболее ревностно защища-

ют свое право противостоять указанным угрозам без вмешательства извне. США, напротив, стремятся закрепить за собой право бороться с терроризмом и другими угрозами повсеместно; ради этого они готовы пожертвовать суверенитетом других стран. Требуя от других стран проявить понимание к описанной позиции, Соединенные Штаты продолжают считать собственный Вестфальский суверенитет нерушимым.

Те же процессы можно наблюдать и в вопросе отношения к правам человека и усилиям по распространению демократии. Политика США, основанная на идее демократического мира, считает необходимым распространение демократии с целью лишить поддержки терроризм и заменить беспокойные авторитарные государства более надежными союзниками с демократической формой правления. Россия и Китай видят в американской поддержке демократических движений (таких, как «цветные» революции и «арабская весна») предвзятое отношение к сторонам внутренних конфликтов. Это оценивается как по меньшей мере не мудрая позиция. С формальной точки зрения Москва и Пекин видят основания считать подобные действия нарушением Вестфальского (остающегося признанным международным законодательством) суверенитета путем оспаривания легитимности признанных государств и правительств, попыток подрыва существующих в них политических режимов и провоцирования нестабильности. Кроме того, хотя новые нормы, такие как концепция «обязанности защищать», обеспечили государствам большую гибкость в вопросе защиты мирных жителей, они не сформулировали ясных указаний относительно того, когда и при каких условиях интервенция приемлема. В то время как беспрецедентные глобальные угрозы должны были бы стать основой для эффективного взаимодействия сверхдержав, радикально расходящиеся взгляды на суверенитет затрудняют сотрудничество.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Таблица

Сравнение понимания суверенитета

	США	РФ	КНР
Угрозы в связи с суверенитетом	Международный терроризм	Внутренний терроризм и сепаратизм	Внутренний терроризм и сепаратизм
Внутренний суверенитет	Полный для США, частичный для других стран	Полный и нерушимый	Полный и нерушимый
Вестфальский суверенитет	Частичный (в связи с борьбой против негосударственных террористических организаций), полный для США	Полный и нерушимый	Полный и нерушимый
Суверенитет взаимозависимости	Границы контролируются частично и в разной степени	Постепенное разрушение неизбежно, но нужно его сдерживать	Постепенное разрушение неизбежно, но нужно его сдерживать

- * Подготовлено для конференции «Россия и Запад: циклы и перспективы взаимодействия» Научно-образовательного форума по международным отношениям при поддержке журнала «Международные процессы» (Москва, 31.05–1.06 2011 г.).
- ¹ См.: Cuisimano M. *Love, Beyond Sovereignty: Issues for a Global Agenda*, 4th edition. Boston: Wadsworth, 2010; Booth K., Wheeler N.J. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2008; and Powell C. *A Strategy of Partnerships // Foreign Affairs*. Vol. 83. Issue 1 (January/February 2004). P. 22–34.
  - ² Поскольку реалисты считают суверенитет само собой разумеющимся, большинство из них не говорят о нем отдельно. См.: Waltz K.N. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 1979, особенно с. 95–96. Mearsheimer J.J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2001 вообще не упоминает суверенитет.
  - ³ Jackson R. *Sovereignty: Evolution of an Idea*. Cambridge: Polity Press, 2007.
  - ⁴ Мы понимаем и признаем, что в каждой стране есть несколько различных течений в отношении международных отношений, и эти течения в разной степени оказывают влияние на политику соответствующих государств. В этой работе не ставилась цель описать все особенности различных школ. В наши намерения входило вычлнить доминирующую позицию по вопросам, отраженную в официальной политике государств.
  - ⁵ Krasner S.D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 3–4.
  - ⁶ URL: <http://www.fas.org/news/russia/1997/a52--153en.htm> (дата обращения: 23.05.2011 г.).
  - ⁷ Headley J. *Russia and the Balkans: Foreign Policy from Yeltsin to Putin*. New York: Columbia University Press. P. 263–264.
  - ⁸ Медведев назвал «пять принципов» внешней политики России // РИА «Новости». 31.08.2008. URL: <http://www.rian.ru/politics/20080831/150827264.html>. (дата обращения: 03.03.2011 г.). [Medvedev nazval piat' printsipov vneshnei politiki Rossii // RIA Novosti — 31.08.2008]
  - ⁹ Кокошин А.А. Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006. С. 15–17 [Kokoshin A.A. Real'nyi suverenitet. M.: Evropa, 2006. S. 15–17.]
  - ¹⁰ Внутренний суверенитет обозначает принцип организации публичной власти в государстве и контроля над ней со стороны общества в пределах государственных границ (Krasner, p. 4). Развитие понятия «суверенной демократии» изложено в: Surkov V. *Russian Political Culture: The View from Utopia // Russian Social Science Review*. Vol. 49. No. 6 (November-December 2008). P. 81–97; а также: Surkov V. *Nationalization of the Future: Paragraphs pro Sovereign Democracy // Russian Studies in Philosophy* Vol. 47. No. 4 (Spring 2009). P. 8–21.
  - ¹¹ См. комментарии в: Барабанов О.Н. Если Вестфаль и болен, то больной скорее жив, чем мертв // Барабанов О.Н., Фельдман Д.М. // *Международные процессы*. 2007. № 3. С. 106–107. [Barabanov O.N. Esli westfal' i bolen, to bol'noi skoree zhiv chem. Mertv / Barabanov O.N., Feldman D.M. // *Mezhdunarodnie protsessi*. 2007. № 3. S. 106–107.]
  - ¹² См.: Лебедева М.М. Что угрожает Вестфалю? // *Международные процессы*. 2008. Т. 6. № 1 (16). С. 117–120. [Lebedeva M.M. Chto ugrozhaet Westfalliu? // *Mezhdunarodnie protsessi*. 2008. T. 6. № 1 (16). S. 117–120].

- ¹³ А.А. Кокошин цитирует исследователя международных отношений А.Д. Богатурова и министра иностранных дел Сергея Лаврова. Кокошин. С. 18–19.
- ¹⁴ Кокошин А.А. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁵ Shakleyina T., Bogaturov A. The Russian Realist School of International Relations // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 37. 2004. P. 49.
- ¹⁶ Yen C. Sovereignty, Human Rights and China's National Interest: A Non-Zero Sum Game // Foreign Policy Research Institute. February 2011. URL: <http://www.fpri.org/enotes/201102.yen.china.pdf>. (дата обращения: 23.05.2011 г.). Йен, руководитель Института международных отношений в Государственном университете политики г. Тайбэй, утверждает, что Пекин ошибается и именно защита прав человека внутри страны может помочь сохранить контроль над Тайванем.
- ¹⁷ О роли федерализма в экономическом развитии, на примере сравнения России при президенте Б. Ельцине и Китая, см.: Blanchard O., Schliefer A. Federalism with and without Political Centralization. China versus Russia, National Bureau for Economic Research. February 15, 2000.
- ¹⁸ Chien S. Economic Freedom and Political Control in Post-Mao China: A Perspective of Upward Accountability and Asymmetric Decentralization // *Asian Journal of Political Science*. Vol. 18. No. 1 (April 2010). P. 69–89.
- ¹⁹ Carlson A. *Unifying China, Integrating with the World: Securing Chinese Sovereignty in the Reform Era*. Stanford: Stanford University Press, 2005. P. 224.
- ²⁰ Chinese President urges Diplomats to Serve National Interests. 21 июля 2009. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgx/zlyjjdh/dycdh/t574517.htm>. (дата обращения: 12.05.2011 г.). Также см.: Jisi W. China's Search for a Grand Strategy // *Foreign Affairs*. Vol. 90. Issue 2 (March/April 2011). P. 68–79.
- ²¹ China Calls for Civilian Protection in Armed Action // Xinhua. May 11, 2011. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2011-05/11/content_12486356.htm (дата обращения: 17.05.2011 г.).
- ²² Push Factor; China's Rescue Mission to Libya // *Economist*. March 5, 2011; Chinese-Funded Enterprises have 50 Large-Scale Projects in Libya // *People's Daily Online*. March 23, 2011, URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90001/90778/90860/7328978.html> (дата обращения: 17.05.2011 г.).
- ²³ Polgreen L. China, in New Role, Presses Sudan on Darfur // *New York Times*. February 23, 2008.
- ²⁴ Wu C. Sovereignty, Human Rights, and Responsibility: Changes in China's Response to International Humanitarian Crises // *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 15. 2010. P. 71–97; Zhongying P. China's Changing Attitude to UN Peacekeeping // *International Peacekeeping* Vol. 12. No. 1 (Spring 2005). P. 87–104.
- ²⁵ Carlson. Op.cit.
- ²⁶ См.: Carlson A. Moving Beyond Sovereignty? A Brief Consideration of Recent Changes in China's Approach to International Order and the Emergence of the tianxia Concept // *Journal of Contemporary China*. Vol. 20. No. 68 (January 2011). Pp. 89–102; а также Ikenberry G.J. and Michael Mastanduno, eds. *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. New York: Columbia University Press, 2003.
- ²⁷ Сравнительный анализ двух школ см. в: Mearsheimer J.J. *Imperial by Design* // *The National Interest*. No. 111 (January/February 2011). P. 16–34. Джон Миршаймер называет течение либеральных интернационалистов «либеральными империалистами», считая, что они, как и неоконсерваторы, склонны к идее создания Американской империи.
- ²⁸ Джон Миршаймер выступает за уравнивание в трех стратегически важных регионах: Европе, Ближнем Востоке и Северо-Восточной Азии. См.: Mearsheimer. *Imperial by Design*. Еще по теме см. Layne C. From Preponderance to Offshore Balancing: America's Grand Strategy // *International Security*. Vol. 22. No. 1. (Summer 1997). P. 86–124; а также America's Middle East Grand Strategy after Iraq: The Moment for Offshore Balancing has Arrived // *Review of International Studies*. Vol. 36. Issue 1 (2009). P. 5–25.
- ²⁹ Johnson C. Making it Official: Hunting al-Qaida Worldwide. National Public Radio, May 23, 2011. URL: <http://www.npr.org/2011/05/23/136500471/making-it-official-hunting-al-qaida-worldwide> (дата обращения: 23.05.2011 г.).
- ³⁰ Krasner. Op. cit.
- ³¹ См.: Menon R. Pious Words, Puny Deeds: The 'International Community' and Mass Atrocities // *Ethics & International Affairs*. Vol. 23. Issue 3 (Fall 2009). P. 235–245.
- ³² International Coalition for the Responsibility to Protect website. URL: <http://www.responsibilitytoprotect.org/RtoP%20National%20level%283%29.pdf> (дата обращения: 23.05.2011 г.).
- ³³ Russia's Position at the 64th Session of the UN General Assembly. URL: <http://www.un.int/russia/new/MainRoot/docs/interview/pos64en.htm>. (дата обращения: 23.05.2011 г.).
- ³⁴ The Responsibility to Protect and the Protection of Civilians: Asia-Pacific in the UN Security Council, Update No. 1 (February 10, 2009). URL: http://www.responsibilitytoprotect.org/files/PoC_Update_1%5B1%5D%5B1%5D.pdf (дата обращения: 23.05.2011 г.).